

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ им. Д. С. ЛИХАЧЕВА
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д. Н. ЗАМЯТИН

КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО

МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

ББК 71
З 26

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-03-16148

Рецензенты:

М. В. Ильин, доктор политических наук, профессор;
Б. Б. Родоман, доктор географических наук;
И. Г. Яковенко, доктор философских наук

Замятин Д. Н.

3 26 Культура и пространство: Моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. — 488 с.

ISBN 5-9551-0144-6

Монография посвящена исследованию процессов взаимодействия культуры и пространства. Анализируются различные культурные традиции восприятия и воображения географического пространства. В качестве одного из эффективных механизмов описания и характеристики подобных взаимодействий предлагается концепция моделирования географических образов. В книге рассмотрены основные классификации географических образов в культуре, выявлены базовые стратегии репрезентации и интерпретации географических образов в различных сферах культуры и человеческой деятельности.

Книга может быть полезна ученым-гуманитариям, изучающим проблемы представления культурных пространств; преподавателям и студентам гуманитарных специальностей вузов.

ББК 71

*В оформлении переплета использована картина
П. Митурича «Пространственная графика» (1919)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0144-6

© Д. Н. Замятин, 2006
© Знак, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. Методологические и теоретические проблемы изучения взаимодействия культуры и пространства.	21
1.1. Традиции изучения образов географического пространства в философии	22
1.2. Традиции изучения образов географического пространства в гуманитарных науках	30
1.3. Традиционные направления изучения понятия образа в гуманитарной географии	39
1.4. Исследования образов географического пространства в естественных науках	48
1.5. Географические образы в культуре	56
Выводы к главе 1	65
ГЛАВА 2. Моделирование географических образов в культуре	85
2.1. Основы методологии моделирования географических образов.	86
2.2. Базовая модель идеального географического образа	99
2.3. Методология изучения процессов формирования и развития географических образов	109
2.4. Картографирование географических образов	118
Выводы к главе 2	140
ГЛАВА 3. Основные классификации географических образов	153
3.1. Генетическая классификация географических образов	153
3.2. Содержательная классификация географических образов	178
3.3. Масштабная классификация географических образов	220
3.4. Позиционная классификация географических образов	255
Выводы к главе 3	270

ГЛАВА 4. Основные стратегии разработки и создания специализированных географических образов	296
4.1. Типы образно-географических стратегий	296
4.2. Стратегии разработки и создания географических образов в культурной географии	299
4.3. Стратегии репрезентации и интерпретации географических образов в исторической географии (на примере образов границ)	307
4.4. Стратегии разработки и создания политико-географических и геополитических образов современного мира	328
4.5. Стратегии разработки и создания географических образов в современном российском федерализме	348
4.6. Стратегии разработки и создания географических образов в региональной экономической политике современной России	357
Выводы к главе 4	365
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	384
ЛИТЕРАТУРА	391
ПРИЛОЖЕНИЯ	469
Приложение 1	469
<i>Образные источники Восточной Европы.</i>	
Приложение 2	473
<i>Использование принципов образной географии в электронном картографировании. Концепция оформления электронной версии Национального атласа России</i>	
Приложение 3	480
<i>Применение методологии и теории образной географии в моделировании образа города.</i>	
Приложение 4	484
<i>Программа прикладных исследований «Идентификация, разработка и продвижение региональных и локальных образов»</i>	

ВВЕДЕНИЕ

Пространство и время — наиболее естественные и органичные координаты культуры. Любая культура имеет собственные, уникальные пространственные измерения. Эти измерения выражаются не только в конкретных географических условиях, в которых развивается культура, но и в определенных образах пространства (географических образах), порождаемых изучаемой культурой. Определенные географические образы являются существенным компонентом рассматриваемой культуры, а также культуры вообще (взятой в ее абстрактном, высшем смысле). В то же время данные образы оказывают значительное влияние на формирование и развитие самой культуры, определяя ряд ее уникальных признаков и феноменов.

Проблемы соотношения культуры и пространства, их взаимодействия оказываются чрезвычайно актуальными как в сфере научного поиска различных гуманитарных дисциплин (культурология, политология, история, филология, психология и др.), так и в сфере непосредственной практической деятельности человека — будь то охрана культурного и природного наследия, внешняя и внутренняя политика государств, международные отношения, социально-экономическое развитие различных регионов и стран. Значительная часть современных гуманитарно-научных исследований ориентирована на изучение различного рода пространственных концептов и образов, причем такие исследования оказывают серьезное влияние на развитие общей методологии гуманитарных дисциплин в целом (например, изучение образов пространства в языкознании и литературоведении). Наряду с этим, большинство подобного рода работ практически не соприкасается с аналогичными попытками и исследованиями в естественных науках — прежде всего в культурной, политической и социальной географии. Наличие такого, до сих пор не перейденного «Рубикона» снижает общий методологический и прикладной потенциал изучения проблем взаимодействия культуры и пространства.

Кроме того, в сложившемся к настоящему времени гуманитарно-научном дискурсе существует серьезный «перекос» в сторону изучения проблем восприятия времени, исторических и культурных эпох — что с точки зрения истории развития гуманитарных наук понятно, однако недостаточно с позиций их перспективного развития. До сих пор исследования пространства и образов пространства в культуре относится за-

ведомо к некоторой архаике, к аспектам исследования в основном первобытных, архаичных и/или древних культур. Процессы быстро развивающейся глобализации, казалось бы, снимают проблемы культурологического изучения географического пространства, сводя их, по существу, к различным аспектам мультикультурализма и одновременного сосуществования домодерных, современных и постмодерных культур и цивилизаций. Введенное недавно в научный дискурс понятие глокализации, означающее синтез наиболее важных процессов глобализации и регионализации, не меняет кардинально сложившейся неблагоприятной ситуации в культурологических штудиях пространства.

Между тем, современные культурные, политические и социально-экономические практики во все большей степени становятся ориентированными на использование различных образов пространства, начиная от образов небольших сельских местностей, городов, культурных ландшафтов и заканчивая образами административно-политических образований государства, региональных политических союзов и даже цивилизаций. Культурные политики, политические действия и экономические решения в современном мире не представимы без целенаправленных, хорошо «упакованных» прикладных пространственных образов, которые являются их неотъемлемой и значительной частью. Мы предпочитаем говорить далее уже о географических образах и различных аспектах их моделирования в культуре — с тем, чтобы, с одной стороны, отграничить наше исследование от изучения образов пространства в других гуманитарных и естественных науках, а, с другой — подчеркнуть целостность, некоторый «холизм» нашего методологического подхода к самой проблеме. По сути, проблематика моделирования географических образов относится, на наш взгляд, к феноменологии культуры, анализирующей теоретические и методические поиски в других науках, но при этом обеспечивающей единый, «сквозной» взгляд на поставленную проблему и, соответственно, обуславливающей спектр предлагаемых автором теоретических и методических приемов.

В данном исследовании мы в известной мере абстрагируемся от изучения психологических аспектов восприятия географических образов, а также от изучения массовых географических образов (на уровнях социальных и профессиональных групп различного масштаба с использованием разного рода анкет и методов интервью) в социологическом плане. Нами реализуется феноменолого-культурологический подход к проблеме становления и развития географических образов и проблеме их моделирования в широком социокультурном контексте.

Культура, для того, чтобы осмыслить собственное пространство, а также пространства других культур, должна выработать механизмы образной интериоризации пространства. В ходе такого когнитивного процесса происходит своего рода «внеположение» пространства как бы за пределы самой культуры, глазами наблюдателя или исследовате-

ля, работающего и живущего в данной культуре. Получается, что само пространство как бы выталкивается из культуры, начавшей его осмыслять, однако в то же время в самой культуре формируются специфические географические образы, фиксирующие подобное «выталкивание» пространства. Именно с таким механизмом взаимодействия культуры и пространства связана сложность безусловного отнесения моделирования географических образов к той или иной научной области.

Понятие или образ механизма есть одна из базовых метафор научного исследования и любой практической деятельности. Исходя из этого, механизм описания взаимодействия культуры и пространства может рассматриваться как феноменологический конструкт. Следовательно, отбор образов начинается с процедур образного описания, а доказательства их валидности в культуре нарабатываются в ходе развития самого образного описания. Иначе говоря, значимость отобранных образов и их культурная валидность проявляются как значимость и образность (в научном, публицистическом или художественном планах) самого феноменологического поиска.

В целом актуальность исследования имеет *теоретический и практический аспекты*. *Теоретический аспект*: изучение особенностей и закономерностей моделирования географических образов в культуре позволяет осмыслить и структурировать на более глубоком концептуальном уровне процессы пространственного взаимодействия различных культур, субкультур, этносов и цивилизаций. *Прикладной аспект*: данное исследование может быть полезным как для изучения практических последствий быстро развивающихся в современном мире процессов регионализации и глобализации в целях их социокультурной диагностики, так и для практических разработок и проектов по моделированию геокультурных образов территорий различных физико-географических размеров и политико-экономических рангов.

Целью нашего исследования было, в первую очередь, определить абрис, основные контуры моделирования географических образов в культуре. Такой подход, естественно, не мог предполагать углубленного изучения механизмов онтологизации географических образов. Тем не менее, подобное направление образно-географических исследований может быть очень важным как с точки зрения концептуального развития направления, так и с практической точки зрения, учитывая высокую методологическую эффективность применения понятия ментальности в современной культурологии.

Соотнесение географических образов и метаобразов различных уровней вполне возможно при понимании их как культурных феноменов. Кроме того, подобные соотнесения возможны и на уровне различных репрезентаций и интерпретаций географических образов, а также при формулировке разных образно-географических стратегий. Так,

любая составленная образно-географическая карта уже позволяет соотносить вошедшие в картографическое поле образы, определить их значимость и сделать первоначальные выводы об их связях. Воспроизводимость результатов исследований географических образов в культуре опирается на уже выявленные правила составления образно-географических карт и обобщенные стратегии интерпретации географических образов. Трансляция технологии моделирования географических образов может осуществляться двумя наиболее очевидными способами: передачей личного опыта в коллективных образно-географических исследованиях и подготовкой методических разработок и рекомендаций.

В содержательном плане наша работа находится на стыке культурной географии, культурологии и социокультурной антропологии. Вместе с тем она может позиционироваться как гуманитарно-географическая. Поэтому следует определить концептуальные отношения со сложившимися представлениями о гуманитарной географии (иногда ее называют также общественной географией, географией человека в широком смысле).

В нашем понимании, гуманитарная география активно использует понятия, теории, знания, накопленные и сформулированные гуманитарной половиной уже существующей географической науки. В первом приближении эту половину и можно назвать собственно гуманитарной географией. Однако при более углубленном рассмотрении приходится признать, что в основе гуманитарной географии должны лежать несколько иные принципы, нежели просто деление наук по непосредственному предмету их изучения (география городов, образования, населения, туризма и т. д.). На наш взгляд, один из возможных подходов к предмету изучения гуманитарной географии — это характер, специфика, степень интериоризации пространства в различных социокультурных сферах деятельности. При этом, конечно, невозможно базировать всю гуманитарную географию на географических образах. Наряду с географическими образами, в понятийную базу гуманитарной географии входят основополагающие понятия культурного ландшафта, региональной (пространственной, локальной) идентичности, пространственного мифа. Название «геоимагология» для развиваемого нами направления вполне приемлемо. Нами предлагается также название «образная (или имагинальная) география». Наконец, в гуманитарно-научной литературе встречаются также термины «философическая география», «география воображения», что близко по смыслу к вышеназванным геоимагологии и образной географии. Поскольку это только формирующаяся в концептуальном и институциональном планах сфера гуманитарно-научных исследований, то такая ситуация в науковедческом контексте понятна.

Состояние вопроса и степень разработанности проблемы. Рассмотрение проблемы взаимодействия культуры и пространства предполагает междисциплинарный характер исследования, охватывающего ши-

рокое поле гуманитарного знания. Понятие образа прямо или косвенно изучается и используется в географии примерно с середины XIX в. Наряду с этим географические представления и образы географических пространств достаточно давно (также не позднее, чем со второй половины XIX в.) исследуются в философии и гуманитарных науках. К настоящему времени в этой междисциплинарной области исследований сложились следующие направления: феноменологический и онтологический анализ образов географического пространства, геоисторический и историко-географический анализ образов пространства, мифологические, филологические и семиотические исследования географических представлений, изучение образов географического пространства в градоведении, социологии и психологии, анализ географических образов в культурной географии, географии искусства и искусствознании, исследования образов пространства в теоретической географии, исследования образов в геополитике и политической географии, изучение образов стран и регионов в географическом страноведении и межкультурной коммуникации.

В зависимости от используемой методологии, эти направления исследований можно объединить в четыре большие группы: философские, гуманитарно-научные, гуманитарно-географические и естественнонаучные. В философии исследуются онтологические и феноменологические основания образов географического пространства. В гуманитарно-научных работах рассматриваются закономерности формирования и развития географических представлений различного происхождения. В гуманитарной географии в целом изучаются особенности и закономерности формирования и развития географических образов и образно-географического пространства. В естественнонаучных трудах исследуются основы восприятия и воображения пространства. В ряде работ содержатся одновременно элементы разных методологий.

Глубокие традиции исследований образов географического пространства заложены в *философии*. Для классических философских исследований пространственных категорий и их образов были характерны именно методологические подходы. Это относится как к древнегреческой и античной философии, например, трудам Аристотеля (исследования П. П. Гайденко, Ю. А. Асояна), так и к немецкой классической философии (Кант, Шеллинг, Гегель). Однако следует отметить, что в этих работах изучение образов географического пространства не было предметом особого интереса.

К концу XIX в. методологическая ситуация в философии в значительной степени изменилась. Параллельно с развитием хронологической концепции в географии, в рамках которой земное пространство как таковое впервые стало предметом автономного научного интереса (труды К. Риттера и А. Геттнера), началось активное развитие феноменологических и онтологических исследований в философии, для которых ха-

рактен серьезный интерес к проблемам осмысления географического пространства. Изучение проблематики бытия и времени в трудах немецких философов Э. Гуссерля и М. Хайдеггера было прямо связано с попытками создания фундаментальных образов географического пространства. К середине XX в., уже в рамках французской феноменологии, образы географического пространства стали непосредственной основой достаточно мощного философствования и определенных методологических позиций (М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр).

Эта тенденция была продолжена и развита в ином концептуальном измерении исследованиями французских структуралистов и постструктуралистов в 1950-х—1990-х гг., в которых рассматриваются не только образы географического пространства как таковые, но и предлагаются новые образы самой географии, базирующиеся на создании и использовании целенаправленных географических образов (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Л. Нанси). Очень важно, что при этом первоначально исключительно философские исследования стали распространять свой интерес на смежные области гуманитарных наук, что привело к появлению интересных междисциплинарных работ, затрагивающих содержательные и методологические аспекты формирования образов географического пространства. Здесь следует, конечно, отметить исследования мифологии и различных религиозных традиций, космогонических представлений на стыке философии, культурологии, этнологии, религиоведения и литературоведения (Г. Башляр, М. Элиаде, Р. Барт, М. Фуко, В. А. Подорога).

В сфере *гуманитарных наук* образы географического пространства разрабатывались и продолжают разрабатываться прежде всего в филологии и языкознании (школа Н. А. Арутюновой, А. Вежбицкая), фольклористике (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Б. Н. Путилов, Н. И. Толстой, Т. В. Цивьян), психологии и этнологии (К. Гирц, С. В. Лурье, Д. С. Раевский), когнитивных науках (Е. Ю. Кубрякова, Е. В. Урысон), искусствознании (Г. З. Каганов, К. Кларк, А. Раппапорт, П. А. Флоренский), архитектуре (А. Г. Габричевский, Ш. Р. Шукуров), востоковедении (М. Гране, М. В. Исаева, А. А. Кроль), социологии (Г. Зиммель, А. Ф. Филиппов), истории, политологии и экономике (М. В. Ильин, А. И. Неклесса, Э. Г. Кочетов). Первоначальный методологический импульс для проведения подобных исследований в этих областях знаний был создан трудами структуралистов, однако впоследствии подобные работы стали более разнообразными и более глубокими, эффективно использующими собственный методологический потенциал.

В рамках исторических исследований важное значение имеют работы французской Школы Анналов. Один из лидеров этой Школы, Ф. Бродель положил начало геоисторическим исследованиям, в которых большое внимание уделяется образам географического пространства («Сре-

диземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», «Что такое Франция»).

В *филологии и языкознании* изучение образов географического пространства связано прежде всего с соотношениями языка и пространства, текста и пространства (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров), языка и географической карты (К. Бюлер). Наряду с этим большое внимание здесь уделяется исследованиям категорий и образов пути и путешествий, лексики, синтаксиса и грамматики, определяющих те или иные образы географического пространства. Очень часто это могут быть работы на стыке с другими гуманитарными дисциплинами, например, с искусствоведением и/или музыковедением (Е. Д. Андреева, Т. М. Николаева, Т. В. Цивьян).

Весьма близко к когнитивным трудам в широком смысле находится также ряд *архитектурных и градостроительных исследований*, посвященных проблемам осмысления пространства и культурных ландшафтов — как прошлого, так и настоящего (В. А. Глазычев, Г. З. Каганов, К. Линч, Б. Рубл). Исследование метафизики Петербурга (Д. А. Спивак) позволяет говорить о создании основ для развития образно-географического краеведения и градостроения.

Изучение образов стран и границ в гуманитарных науках. Большое значение для становления методологических подходов к изучению образа в географии имеют работы в смежных научных областях, посвященные образам различных стран и регионов. Здесь следует выделить прежде всего труды в области *межкультурной (кросс-культурной) коммуникации*, изучающие закономерности и структуры индивидуальных и коллективных представлений разных народов друг о друге и о других странах (А. В. Павловская, Г. Г. Почепцов, С. В. Сопленков). Особенность этих работ — концентрация внимания на двух-трех образах, достаточно устойчиво характеризующих те или иные страну и/или народ в определенную эпоху и становящихся надежной меткой, их точными координатами в культурном и ментально-географическом пространстве. Важное значение имеют также исследования образов стран и ландшафтов в литературоведении, культурологии (Г. Д. Гачев, И. В. Кондаков, И. И. Свирида, Н. А. Хренов, С. Шама, М. Н. Эпштейн, М. Б. Ямпольский), искусствоведении (К. С. Егорова, А. В. Михайлов, Л. В. Мочалов, Г. Поспелов, В. А. Турчин), в которых на примерах литературных, живописных, графических произведений рассматриваются внутренние структуры и механизмы создания пространственных образов в культуре.

Достаточно мощные образы различных регионов, стран и континентов создаются в *геополитике, региональной политологии и социологии*. Особенность этих исследований — работа с так называемыми «большими пространствами», что позволяет расширить привычные контексты восприятия тех или иных регионов, включить их образы в более крупные образные системы. В этом плане, как с культурологической, так и с гео-

графической точек зрения наиболее интересны труды по регионализму, культурно-исторической и цивилизационной геополитике (А. С. Макарычев, В. Страда, В. Л. Цымбурский, И. Г. Яковенко), территориальной и национальной идентичности (И. М. Бусыгина, И. П. Глушкова, А. В. Дахин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, М. П. Крылов, Д. Хусон).

Гуманитарно-географические исследования. Первоначальный импульс исследований, связанных с проблематикой географических образов, возник в сфере *географического страноведения*. Во второй половине XIX в. начинается довольно мощное содержательное и концептуальное развитие географического страноведения, которое стало в этот период (вторая половина XIX — начало XX вв.), по сути, ядром географической науки в целом. В рамках географического страноведения использование географических образов стало более эффективным, при этом само понятие географического образа стало более определенным и более структурированным. Описание и характеристика пейзажа в работах французской школы географии человека (О. А. Александровская, И. А. Витвер) — это, фактически, прямое выделение и структурирование географических образов местностей, регионов и стран. В контексте страноведческих работ данного периода понятие пейзажа или ландшафта является инвариантом географического образа, а сам географический образ становится непосредственным методологическим и теоретическим «инструментом» исследования в географической науке. Смысл пейзажного, так же как и образно-географического исследования заключается в выявлении и использовании наиболее ярких, запоминающихся черт, знаков, символов определенной местности, района и/или страны.

В середине и второй половине XX в. в географической науке происходит очень важный переход в осмыслении методологической значимости понятия географического образа.

Понятие географического образа в тех или иных вариантах стало использоваться различными отраслями и направлениями физической и социально-экономической географии. Быстрое содержательное расслоение и дисциплинарная дифференциация географической науки позволили провести параллельные процедуры методологической адаптации этого понятия сразу в нескольких ключевых предметных областях географии.

Методологическая адаптация понятия географического образа в сфере гуманитарной географии. В сфере гуманитарной географии это, безусловно, были география населения, особенно география городов (Г. М. Лаппо, Д. Покок, Р. Хадсон), социальная география в широком смысле (Р. Джонстон, Э. Соджа, Р. Сэк), поведенческая география (Дж. Голд, Р. Голлидж, К. Кокс), география культуры и культурная география (Ю. А. Веденин, С. Дэниэлс, Д. Костроув, О. А. Лавренова, И-Фу Туан, Р. Ф. Туровский), политическая география и геополитика (В. А. Колосов, О'Туатайл), географическая глобалистика (Ю. Г. Липец), в последнее время также и

когнитивная география (Н. Ю. Замятина, С. Кослин, М. Эгенхоффер). Интенсивное наращивание методического аппарата образно-географических исследований позволяет говорить о достаточно эффективном использовании понятия географического образа и в экономической географии.

Наиболее интенсивные модификации и собственно моделирование географических образов характерны для *культурной географии*, особенно для исследований *культурных ландшафтов*. Определенный уровень и своеобразие самой культуры выступают неизменным условием качества создаваемого синтетического образа культурного ландшафта страны, района или местности, но и сами вновь созданные географические образы как бы пронизывают определенную культуру, придают ей неповторимость и уникальность.

Естественнонаучные исследования. Для более глубокого понимания закономерностей формирования образов географического пространства большую ценность представляют *исследования сенсорных систем* в рамках естественнонаучного знания. Изучение структур пространственного зрения (В. М. Бондарко, Л. И. Леушина, Ю. Е. Шелепин), закономерностей восприятия пространства в психофизиологии и физиологии движения (В. Л. Деглин, Ю. П. Леонов, Н. Е. Пинхасик) позволяет, с помощью аналогий, понять специфику процессов, способствующих формированию образов географического пространства. Главное в этом — обнаружение механизмов перехода от статичных к динамичным образам и механизмов сосуществования различных образов в панорамном зрении.

Физическая география и картография. В сфере физико-географических исследований, важных для понимания особенностей изучения географических образов, выделяется геоморфология, в рамках которой разработаны наиболее детальные и содержательные процедуры дистанцирования от предмета самого исследования; значительная часть концептуальных моделей в геоморфологии, как классических, так и современных, по сути, является образно-географической (В. Дэвис, В. Пенк, Ю. Г. Симонов, И. С. Шукин).

В картографии развитие образно-географических исследований прямо связано с изучением семиотики и семантики географических карт и картографических моделей (А. Володченко, О'Кадла, Ю. Ф. Книжников, А. А. Лютый, М. Эдни). Сравнительно новой для традиционной картографии является тема виртуальных геоизображений (А. М. Берлянт), которая вполне очевидно связана с проблемой репрезентации географических образов.

В *психологии* осязательный специальный интерес к изучению образов географического пространства возник первоначально в 1910—1920-х гг., в рамках быстро развивавшейся гештальт-психологии. Затем, начиная с 1930-х гг., эти образы стали также интенсивно исследоваться в работах, придерживавшихся концепции бихевиоризма (прежде всего мен-

тальные карты), и довольно сильно повлиявших на становление поведенческой географии (Р. Кичин, С. Милграм). В 1960-х гг. психологические исследования образов географического пространства стали, по сути, междисциплинарными — на стыке с языкознанием и филологией, теорией искусственного интеллекта (Т. И. Вендина, Т. Я. Елизаренкова, Е. Ю. Кандрашина, М. Минский, Д. А. Поспелов). Благодаря этому процессу началось развитие новой научной области — когнитивной психологии (В. М. Величковский, Р. Солсо), а затем и когнитивной науки (науки о закономерностях познания, формирующейся на стыке языкознания, психологии, политологии и социологии) (В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Е. А. Рахилина), в которой значительное место заняли исследования ментальных и ментально-географических пространств. Становление когнитивной науки, в свою очередь, способствовало (наряду с внутренними причинами развития) появлению в 1990-х гг. новой географической дисциплины — *когнитивной географии*.

Таким образом, существует научная база, необходимая для анализа поставленной проблемы. Представления, сложившиеся в рамках отдельных предметных областей, содержат достаточно материала для культурологического обобщения. Вместе с тем, недавно попавшая в поле научного внимания проблематика моделирования географических образов разработана фрагментарно. Дальнейшая разработка этого проблемного поля и является нашей задачей.

Гипотеза исследования. Любая культура самоопределяется, идентифицирует себя посредством рядов, или серий различных образов (или образов-архетипов). В числе таких основополагающих образов — географические. Посредством географических образов культура позволяет членам социокультурных общностей обживать, осваивать окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации (классическая оппозиция природа — культура), но и в экзистенциальном, феноменологическом плане. Моделируемые или реконструируемые географические образы являются частью феноменологии культуры, а сама география в целом есть феномен культуры. Исходя из этого, возможны и существуют, естественно, различные географии в разных культурах; такие географии могут эпистемологически пересекаться, что ведет к межкультурной интерференции различных по цивилизационному генезису географических образов.

Теоретико-методологические основы исследования. Настоящее исследование носит синтетический и междисциплинарный характер. Работа располагается на стыке различных традиций, задается спецификой рассматриваемого материала и конструируется вместе с эпистемологической тканью исследования. Среди основных методов — сравнительно-исторический, сравнительно-географический, историко-географической реконструкции, системно-структурный, аппарат культурологического, политологического и цивилизационного анализа, графический и карто-

графический. Автором разработан и использован метод образно-географического картографирования.

Характеризуя основные методологические источники, прежде всего, следует указать на европейскую феноменологическую традицию, которая лежит в основе большинства разработанных автором образно-географических моделей.

В ряду методологических оснований работы существенное место занимают синергетическое видение и системные представления о пространстве культуры и географических образах в культуре как его естественной и органической составляющей. Географические образы рассматриваются, в связи с этим, как самоорганизующееся, достаточно автономное целое, развивающееся в различных по своей социокультурной ориентации контекстах.

Заслуживает пояснения обращение к произведениям литературы и искусства. Автор сознательно отстраняется от литературоведческих и искусствоведческих аспектов изучения образов пространства, концентрируя свое внимание на геокультурном анализе этих произведений. Именно такой анализ позволяет обнаружить специфику моделирования географических образов в культуре, прояснить механизмы взаимодействия и взаимовлияния культуры и пространства. С нашей точки зрения, произведения литературы и искусства являются одним из наиболее благоприятных «полигонов» для изучения феноменологии географических образов.

Геокультурологический ракурс требует формулировки отношения к современным парадигмам социокультурного развития в контексте глобализации. Здесь, на наш взгляд, сложились три модели — модель социокультурной дифференциации в условиях глобального доминирования западной (евроамериканской) цивилизации; модель локальных центров социокультурного развития, не способных к эффективному взаимодействию на глобальном уровне; и, наконец, медиативная модель социокультурного дистанцирования, предполагающая формирование и развитие межкультурных и межцивилизационных пространств, являющихся продуктом и результатом взаимодействия различных культур и цивилизаций. Именно в рамках третьей модели можно говорить об эффективном моделировании географических образов, являющихся чаще всего результатом подобных межкультурных взаимодействий.

Среди других методологических особенностей настоящего исследования можно назвать междисциплинарную компаративистику, когда тезис общего характера иллюстрируется материалом, привлекаемым из различных сфер знания.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно предлагает общетеоретическую модель, описывающую механизмы взаимодействия культуры и пространства, формирует теоретический аппарат для обсуждения различных моделей географических образов в

культуре и включает инструментарий, позволяющий оценивать концептуальные разработки и трактовки взаимоотношений и взаимовлияния процессов культурного и пространственного развития.

Основные положения, важные для понимания содержания книги:

1. Моделирование географических образов представляет собой междисциплинарную научную область на стыке культурологии, социокультурной антропологии и культурной географии — более сложную, чем механическая совокупность частных научных моделей, выражающих представления отдельных социальных групп и личностей.

2. Географические образы — это феноменологическая категория описания культуры.

3. Географические образы являются идеологическим срезом культуры и социальной практикой. Развитая сфера взаимодействия культуры и пространства включает в себя как представления о фундаментальных географических образах, так и социокультурные механизмы формулирования, согласования, культурной и политической реализации и постоянной коррекции этих представлений.

4. Моделирование географических образов в содержательном плане не совпадает с теорией и практикой моделирования, принятых в естественных науках. Оно представляет собой т. н. «мягкий тип» моделирования, ориентированный на образные представления об изучаемых объектах.

5. Мышление в категориях географических образов и их производных выступает фактором формирования и воспроизводства культуры. Фиксируемые на феноменологическом уровне представления о фундаментальных географических образах являются критерием уникальности культуры.

6. Сфера взаимодействия культуры и пространства формирует образно-географическую традицию, являющуюся существенным элементом культурных традиций любого общества.

7. Конкретные модели географических образов могут быть разработаны и качественно оценены в рамках концепции географических образов и определенной образно-географической традиции, сформировавшейся в данной культуре.

Благодарности

Я признателен, в первую очередь, моей жене, Надежде Юрьевне Заматиной, за профессиональную, моральную и техническую поддержку в процессе работы над книгой. Близкие научные интересы позволяли быстро находить в диалоге решения трудных и нетрадиционных вопросов, возникавших в ходе исследования.

Исследования и доклады географов-теоретиков Б. Б. Родмана и В. Л. Каганского в течение 1980-х гг. оказали большое влияние на формирование научных взглядов автора. Становление образно-географи-

ческой научной концепции во многом связано с плодотворным общением автора с этими учеными. Исследования феномена пространственности и пространственных представлений в географии, выполненные в 1990-х гг. Г. Д. Костинским, а также личное общение с ним, помогли автору «нащупать» философские основы концепции географических образов. Серьезную поддержку на стадии формирования основных положений авторской концепции оказал В. Н. Стрелецкий, чей культурно-географический «багаж» позволил автору нарастить методологический «костяк» развиваемого научного направления. Крайне важной для развития авторской концепции была содержательная и чисто практическая поддержка Г. М. Лаппо в течение 1991—2003 гг. Большое и неоценимое моральное и организационное содействие, начиная с 1999 г., было оказано автору Ю. А. Ведениным и Н. С. Мироненко. Уточняющие вопросы Л. В. Смирнягина к автору помогли ему найти содержательные границы концепции. Науковедческие и философские споры и дискуссии с В. А. Шупером помогли автору оценить характер и глубину различий между сосуществующими научными парадигмами в географии. Ю. Г. Липец способствовал вхождению автора в новые научно-географические сообщества, открытость которых позволила обсуждать положения авторской концепции. Концептуальный контекст для оформления авторской концепции в гуманитарной географии был создан И. И. Митиным, развивающим «идеологически близкую» концепцию мифогеографии.

Особая благодарность — И. Г. Яковенко, внимательно прочитавшему рукопись и сделавшему ряд существенных замечаний, учтенных мной при доработке окончательного варианта работы.

В области междисциплинарных контактов автор многим обязан, прежде всего, М. В. Ильину, чьи эрудиция и жесткая научная критика наших работ создали возможность строгих научных формулировок в сравнительно зыбкой до недавних пор гуманитарно-научной области. Ряд интересных проблемных вопросов по содержанию книги был поставлен А. Ф. Филипповым, ответы на которые потребовали от меня дополнительной проработки методологических оснований предлагаемой концепции. Должен отметить также безусловную плодотворность и содержательность общения в рамках поставленных автором научных задач с Б. В. Дубиным, Н. В. Корниенко, С. А. Королевым, Э. Г. Кочетовым, В. В. Лапкиным, С. В. Лурье, Б. В. Межуевым, А. И. Неклесса, В. И. Пантиним, Е. А. Петровской, В. А. Подорогой, В. Страда, В. Л. Цымбурским, Е. А. Яблоковым.

Немалую пользу автор извлек из общения с А. Н. Балдиным и В. Я. Головановым, совместное путешествие с которыми в Воронежскую область в рамках образно-географического проекта «К развалинам Чевенгура» (2000 г.) привело к концептуальному осмыслению непосредственной связи между характером освоения пространства и географическими образами, репрезентирующими и интерпретирующими это про-

странство. Наше общение с Р. Рахматуллиным позволило автору глубже понять общие корни научных и художественных взглядов на земное пространство.

Автор приносит искреннюю благодарность коллегам по семинару по геополитике и политической географии при Российской Ассоциации политической науки (РАПН), общение с которыми, начиная с 1999 г., во многом помогло становлению его концепции. Хороший интеллектуальный контекст для развития авторской концепции был создан семинаром Э. В. Сайко при Научном Совете по истории мировой культуры Президиума РАН. Научное общение в рамках семинара по культурному ландшафту географического факультета МГУ (соруководители В. Н. Калущков и Т. М. Красовская) способствовало нахождению концептуальных «мостиков» между естественнонаучными и гуманитарно-научными подходами к изучению пространства.

Используемые сокращения

ГГИТ — гуманитарно-географические информационные технологии;

ГО — географический образ;

ГОГ — географический образ города;

ГОКЛ — географический образ культурного ландшафта;

ГКО — геокультурный образ;

ГПО — геополитический образ;

ГЭО — геоэкономический образ;

ИГО — историко-географический образ;

КГО — культурно-географический образ;

ОГК — образно-географическое картографирование;

ПГО — политико-географический образ;

СЭГО — социально-экономико-географический образ;

ЭГО — экономико-географический образ.